

A young man and woman are embracing in a dark, moody setting. The woman has long, wavy brown hair and is wearing a black long-sleeved shirt and grey, worn-in jeans with a tear at the knee. The man is wearing a black t-shirt and grey pants. They are surrounded by dark, thorny branches and vibrant red roses. The overall atmosphere is dark and romantic.

ПОЧТИ_СПРАВИЛИСЬ.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ирина Рейн

Почти_справились

<https://litres.ru/74667479>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я — его секрет. Он — моё наказание.

Марк появился в моей жизни внезапно. Он смотрел на меня так, будто знал каждый мой грех. И он не ошибался.

У него есть крючки в квартире и демоны в прошлом. У меня — тайна, за которую я готова умереть.

Он связал меня, чтобы удержать. Я осталась, чтобы выжить. Но между страхом и ненавистью есть чувство, которое пугает нас обоих.

Тёмный роман о травме, одержимости и любви, которая не должна болеть. Для тех, кто верит, что даже сломанные люди иногда справляются. Почти.

Ирина Рейн

Почти_справились

Эпиграф

«Я не хочу тебя терять. Я тебя люблю».

«Я тоже. По-своему. Как умею».

Триггер-предупреждение

Книга содержит сцены, которые могут быть тяжелы для восприятия.

Если что-то из перечисленного ниже вам близко или болезненно — пожалуйста, позаботьтесь о себе. Вы можете отложить книгу, пропустить главу или вернуться к ней позже.

В книге есть:

- насилие (физическое, психологическое, сексуализированное)
- преследование и контроль
- детско-родительское насилие
- панические атаки и травматические реакции
- упоминания и употребление алкоголя
- нецензурная лексика

Книга не романтизирует насилие. Это история о

травме, её последствиях и о том, как трудно, но возможно начать меняться.

Если вам нужна поддержка — обратитесь к специалисту или к человеку, которому доверяете. Вы не одни.

Слова автора

Я не планировала писать эту книгу. Она началась со сцены в лифте — я просто представила двух людей, которые стоят слишком близко друг к другу и слишком далеко от того, чтобы быть честными. А потом они начали говорить. И я уже не могла их остановить.

Я писала её ночами, когда не могла уснуть. Потому что Ира не спала тоже. Я писала её, когда злилась. Когда боялась. Когда не понимала, почему люди, которых любят, делают друг другу так больно. Я не всегда соглашалась с Марком. Иногда мне хотелось закрыть ноутбук и никогда не возвращаться к нему. Но я возвращалась. Потому что он — не монстр. Он сломанный. А сломанных нельзя бросать. Их можно только понять. Или не понять. Но попробовать стоит.

Ира — это не я. Но её страх — мой. Её одиночество — моё. Её желание, чтобы кто-то увидел её настоящую, — тоже моё. Я думаю, это желание есть у всех. Просто не все готовы признаться.

Я не знаю, что будет с ними дальше. Я не знаю, смогут ли они выбраться из того ада, в котором выросли. Но я знаю,

что они попробуют. И иногда этого достаточно.

Спасибо, что дочитали. Если эта история задела что-то в вас — значит, вы тоже умеете чувствовать. А это самое важное.

Берегите себя. И помните: любовь не должна болеть.

С теплом,

Автор

*Я хочу сказать одну вещь. Эта книга — не автобиография. Ира — не я. Марк — не кто-то из моего прошлого. Лис — не человек, которого я знала. Это всё выдумка. Но чувства — настоящие. Страх, одиночество, желание быть увиденным — это моё. И, может быть, твоё. Если так, значит, книга написана не зря.

Любые совпадения имён и ситуаций — случайность. Персонажи вымышлены. Но боль, которую они чувствуют, — реальна.

ПРОЛОГ

Когда-то я думала, что любовь — это про безопасность.

Про прогулки в парке, про кофе на набережной, про то, как кто-то держит тебя за руку и никуда не торопится.

Я думала, что любовь не бывает глубокой и жестокой одновременно.

Пока не встретила его.

Он не был красивым в том смысле, в каком красивы герои фильмов. Он был опасным — и это притягивало сильнее.

Он узнал обо мне то, чего не знал никто. И молчал.

Взамен он попросил немного. Просто быть рядом. Просто делать, что он скажет.

Я согласилась.

Теперь я не могу уйти. И не могу остаться.

Я тону в его омуте — и, кажется, он тонет вместе со мной.

Глава 1

Встреть меня

Август. Конец лета. Скоро сентябрь. Вечер. Город мигает огнями.

Телефон на тумбочке вздрагивает и начинает вибрировать. Лица. Я беру трубку, прижимаю плечом к уху и тянусь за помадой.

—

Ты где? — её голос бьёт по ушам. — Тебя ждать или ты уже передумала?

—

Собираюсь, — я крашу губы, глядя в зеркало. — Ждите у подъезда. Бегу.

Отключаюсь, бросаю телефон в карман кофты и выхожу в коридор. Квартира встречает меня тишиной. Пустой. Родители в Челябинске, я в Питере — уже два года. Лето почти закончилось, а я так и не поняла, что с ним делать.

Август — он всегда такой: тёплый снаружи, но внутри уже пахнет сентябрём. Иногда мне кажется, что стены здесь дышат одиночеством, но я привыкла.

Поправляю кофту, хватаю ключи и выхожу. Лифт не работает — опять. Я закатываю глаза и иду к лестнице.

Шесть этажей. Отлично.

Я иду не потому, что хочу. Я иду, потому что если останусь, то весь вечер буду слушать, как тикают часы на кухне. А этого я не выношу.

Выхожу из подъезда и вижу девчонок. Обнимаемся.

Ну наконец-то, думали, уже передумала идти, — говорит Юля. — Есть сигареты? А то мои мама забрала.

Я достаю из рюкзака пачку и протягиваю ей. Лика кладёт руку на моё плечо и хитро улыбается.

Что ты опять задумала, чудачка? — усмехаюсь.

Да так. Ничего. Ты ведь в курсе, куда мы идём?

Блин, мы это обсуждали сто раз, конечно, она знает, — Юля закуривает и возвращает мне пачку.

Я понимаю, что мы это обсуждали. Мы не обсуждали парней. Они ведь там по-любому будут, — смеётся Лика.

Зачем нам эти парни? Мы не ради них идём, а со своими увидаться, — в моём голосе пролетает раздражение.

Эти двое каждый раз пытаются свести меня с какими-то уродами, которые мне вообще не нравятся. Да и были у меня уже одни отношения, мне их хватило.

Ладно, Ира права, пора идти, а то не дождутся и начнут праздник без нас, — с серьёзностью в голосе говорит Юля.

Мы наконец-то идём. Выходим из двора, и нас встречает ночной город. Вечер выдался немного прохладным, но ведь не зря я кофту взяла. Достая пачку из кармана и беру сигарету, приостанавливаюсь на миг, чтобы поджечь её, и затем догоняю девчонок.

Куриль я начала ещё года три назад, когда мне было восемнадцать, и балуюсь этим до сих пор.

Мы в предвкушении сегодняшней вечеринки. Обсуждаем всех, кто там может быть, кто что будет пить и кто опять вытворит какую-нибудь хрень. Зато весело.

Кстати, Никита писал, что там будет группа парней с Юпитера. Многие девочки говорят, что парни там просто красавчики, — с воодушевлением говорит Лика и что-то пишет в телефоне.

Никита — наш вожак. Добрый, весёлый и красивый. Любит гонять на мотоциклах с парнями из группы и всегда находит, где потусить. Если мы собираемся, то обычно по его

наводке.

Всего нас двенадцать человек. Мы собрались в один круг, когда нам было по шестнадцать лет, и с тех пор никто не ушёл. Люди хорошие, на самом деле.

Ли́ка — моя лучшая подруга. Постоянно тусуемся с ней и зависаем то у меня на квартире, то у неё. Сплетницы ещё те.

Ю́ля — сестра Ли́ки, так что она всегда с нами. Хотя она и младше нас, но мы несём за неё ответственность, как за самую младшую в нашем кругу.

Андре́й — самый старший в нашем кругу. Ему двадцать три. Имеет чертовски красивое тело, голос и глаза. Всегда заступает за нас — девочек — и помогает решать вопросы с парнями. Мы все воспринимаем его как нашего старшего брата.

Ва́ня — самый сильный из всех. Обожает спорт и поэтому всегда ведёт главную роль на каких-нибудь перепалках. Для меня он как самый близкий человек, ведь мы с ним вместе росли. Всегда поддерживает меня.

Анто́н — тот, кто сажает меня на мотоцикл и говорит «держи́сь крепче», и я держусь.

Остальные — фон. Хороший фон, но фон.

Никита скинул геолокацию: дом, идти пять минут.

—

Тусовка у кого-то дома? Сомнительная затея, конечно, у этого человека, — смеётся Ю́ля.

—

Я думаю, что кто-то просто снял дом и решил устроить вечеринку. Вряд ли бы этот человек делал это в своём доме, — смотрю на девочек.

Думаю, так и есть. Иначе этот человек просто сумасшедший, если устраивает такое в своём доме, — смеётся Лика и убирает телефон в куртку.

Мы двигаемся по навигатору и подходим к дому. Огромный. Двухэтажный. Окна заливают яркий свет от гирлянд, из дома слышна тяжёлая музыка. Мы пару минут просто стоим и смотрим, охреневая от размеров. Потом заходим на территорию: бассейн, большая веранда, мангальная зона, всё украшено светильниками и маленькими кустарниками. Неплохо.

Держа друг друга за руки, протискиваемся через толпу в зал, где уже сидят наши. Обнимаемся, садимся кучкой.

Ну что скажете? — улыбается Андрей.

Могло быть и хуже, — смеюсь я.

Мы начинаем рассказывать, у кого что произошло на днях. Одного чуть не догнали менты, второго спалили родители, третий впервые попробовал алкоголь, девочки купили новые вещи. Обсуждения длятся долго, и мы, наверное, единственные, кто сидит и просто общается. Решаем не отличаться от остальных, и Андрей разливает вино по стаканам. Выпиваем и продолжаем смеяться, рассказывая исто-

рии.

Время пролетает незаметно. Часы на стене уже показывают полночь. Но домой всё равно можно не торопиться: мои родители живут в другом городе, но часто звонят, спрашивая, как мои дела. Я их очень люблю и скучаю по ним. Но мне пришлось переехать в Питер из-за учёбы, и я не жалею об этом. В Челябинске было слишком скучно и темно.

Толкаю Лику под локоть:

—

Пойдём на улицу, покурим?

—

Перекур, — вставая, говорит она.

Мы выходим в коридор, и нас догоняет Юля. Втроём спускаемся с крыльца и выходим за участок. Моя зажигалка закончилась, поэтому прошу у Юли, поджигаю и возвращаю ей обратно. Делаю вдох, и тело плавно расслабляется. Мы общаемся о том, кто что будет делать, когда придёт домой.

Лица хлопает меня по плечу и жестом показывает обернуться. Я слегка поворачиваю голову и недалеко от нас вижу группу парней. Они о чём-то активно разговаривают и лишь иногда мельком смотрят на нас, о чём-то перешёптываясь.

—

Смотри на того самого, в центре, как он тебе? — почти шепчет Лица, наклоняясь ко мне.

Чуть поворачиваюсь, глазами нахожу его и рассматриваю. Вроде обычный парень. Высокий, красиво выглядит, волосы

чёрные и примерно до ушей, чуть выются на концах, тёмные глаза и красивая улыбка. На которую так и хочется смотреть. И я смотрю. Дольше, чем нужно.

И что? Парень как парень, — поворачиваюсь обратно и тушу окурок. — Ладно, пойдём обратно, а то без кофты прохладно как-то.

Ну скажи, он ведь тебе понравился, да? — словно с сарказмом говорит Юля.

Делаю глубокий вдох и закатываю глаза:

Даже если и понравился, что теперь? Пусть дальше там и стоит, мне-то что.

Они лишь усмеваются, глядя друг на друга. Чую, что-то в этом не очень хорошее. И не зря.

-Эй! Парень! -кричит Лика,- Ты понравился нашей подружке!

Я резко закрываю ей рот рукой и затаскиваю обеих обратно на участок. Оборачиваюсь — он не идёт. Стоит и смотрит. И от этого взгляда у меня внутри что-то сжимается.

Тебе пиздец, Лика, — усмехаюсь и затаскиваю их в дом.

Они лишь смеются на мои слова, но больше такого не делают. Каждый раз, зачем-то, они хотят найти мне парня, но мне и одной хорошо живётся. Можно по дому ходить в од-

ной футболке, готовить во сколько захочу и что хочу, или вообще заказать еду, вся кровать моя, не надо её ни с кем делить, можно спокойно танцевать под свою музыку, и никто тебя не осудит. В плане секса я не нуждаюсь в нём. Могу сама себя удовлетворить, и мне этого хватает. Правда, был один косяк за мной, о котором не знает никто, и я надеюсь, что не узнают никогда.

Мы возвращаемся в зал, садимся на диван и продолжаем общаться, пьём вино. Стрелки на часах уже переходят на второй час ночи. Меня потихоньку клонит в сон. Вечеринка заметно утихла: кто-то уже напился и спит, кто-то просто ушёл, пара людей сидит на веранде и курит кальян.

Я смотрю, вы как сонные мухи, предлагаю всем по домам, мы развозим, — говорит Ваня, вставая с дивана.

Андрей соглашается с ним, и мы все выходим из дома. Рассаживаемся по машинам и едем.

Скоро подъедем к твоему дому, — говорит Андрей и смотрит на меня через зеркало заднего вида.

Я киваю ему в ответ. Останавливаемся. Лица уже уснула на Юлином плече, я тихо обнимаю их и выхожу из машины, машу рукой на прощание.

На улице холодно, поэтому укутываюсь в кофту и чуть ускоряю шаг. Подходя к подъезду, замечаю машину с открытым багажником и множеством пакетов внутри.

Кто-то решил заехать или съехать среди ночи? Странно.

Двери в подъезд открыты, я подхожу к ним, и неожиданно из них быстрым шагом выходит парень. Я чуть вздрагиваю от неожиданности и провожаю его взглядом, поднимаюсь по лестнице и жму кнопку лифта.

Работает, слава богу, не придётся пешиком идти на шестой этаж.

Двери лифта открываются, и я захожу, жму свой этаж, но неожиданно подбегает этот парень с пакетами, и я зажимаю кнопку открытия дверей. Он заходит и встаёт сбоку от меня.

Спасибо, что подождала, — нежный, почти бархатный голос звучит над моей головой, и я вижу, как его рука тянется к кнопкам, нажимая седьмой этаж.

Я чуть отхожу назад, плечом опираюсь на стенку лифта и поворачиваю голову в его сторону. Он снимает капюшон с головы и смотрит на меня, слегка улыбаясь. Моё сердце резко ускоряется, и я стою в шоке.

Блять. Это он.

Тот самый парень из группы, которому кричала моя подруга. Он ещё и живёт этажом выше.

Так получается, мы теперь соседи, — его голос звучит предательски спокойно и нежно.

Получается, — с сарказмом отвечаю я и поспешно выхожу

на своём этаже, неуклюже спотыкаюсь, и ключи от квартиры падают на пол.

Сажусь, чтобы поднять их, но он опережает меня. Протягивает руку с моими ключами и сверлит меня взглядом.

Спасибо, — сглатываю и беру ключи с его ладони.

Двери лифта закрываются, и я облегчённо выдыхаю.

Моя неуклюжесть как всегда вовремя. Опозориться ещё не хватало.

Подхожу к своей двери и открываю её. Захожу, закрываюсь на нижний замок, разуваюсь, небрежно бросаю рюкзак на пуфик в углу и вешаю кофту. Беру сигарету, закуриваю её, выхожу на балкон и опираюсь локтями на раму.

Сосед значит. Этого мне ещё не хватало. Не хочу ничего о нём знать и слышать.

Докурив, тушу окурок в пепельнице и возвращаюсь в комнату, закрываю шторы, включаю синюю подсветку и раздеваюсь, беру полотенце с кресла и иду в ванну. Нужно снять всё это напряжение.

Настраиваю воду и смотрю на себя в зеркало.

Ну красавица просто.

Мой второй размер груди многих привлекает, мне повезло, что она упругая и не свисает, как у некоторых. Попа тоже имеется, красивые ножки и рельефное тело. Любуюсь своим отражением и смываю макияж. Выключаю кран и сажусь в ванну.

Вода приятно обжигает кожу и расслабляет. Я выдыхаю и откидываю голову назад, закрыв глаза. Лежу так пару минут и полностью расслабляюсь.

Затем, рукой провожу по своей шее и плавно спускаюсь ниже, рисуя нежные круги по груди, рёбрам, талии. Рука опускается в самый низ, и я начинаю нежные круговые движения, постепенно увеличивая темп.

Вдруг сверху — резкий, тяжёлый звук. Шаги. Кто-то ходит по квартире надо мной, медленно, взад-вперёд. Я замираю. В доме тихо, и эти шаги слышны так, словно человек ходит по моей голове.

Седьмой этаж. Кто-то же там живёт.

Я выдыхаю и продолжаю, но уже без прежнего настроения. Шаги не прекращаются. Они ритмичные, спокойные, словно хозяин квартиры просто не может уснуть. Как и я.

Через пару минут я сдаюсь, выхожу из ванны и иду на кухню.

Надо что-нибудь перекусить.

Открыв холодильник, ничего интересного не нахожу, поэтому решаюсь сделать обычные бутерброды. Достаю хлеб с колбасой и нарезаю, делая пару бутербродов, ставлю тарелку на стол.

Открываю верхний шкафчик, беру энергетик и сажусь кушать. По привычке закидываю одну ногу на стул и кладу подбородок на своё колено, листаю ленту в Тик-Токе и ем. Моя обычная жизнь, ничего красочного.

Закончив есть, я ставлю тарелку в раковину, беру банку и иду в комнату, ложусь на кровать и пишу Лике:

«Тот парень из лифта. Он живёт этажом выше. Я не знаю, почему меня это так цепляет».

Отправляю и сразу жалею. Слишком честно.

Через пару минут приходит ответ: «Ха-ха, будешь теперь видеть его каждый день, а там смотри и влюбишься».

Я улыбаюсь экрану и отправляю ей смайлик с факом и красным сердечком. Надо же чего придумала. Ничего в нём интересного нет.

Я его даже не знаю. Да и знать не хочу.

Одной лучше.

Решаю ещё немного посмотреть видео и ложиться спать. Допив энергетик, ставлю его на тумбочку рядом с кроватью и переворачиваюсь на живот, убираю телефон в сторону и потягиваюсь, выгибаясь.

Нехотя встаю и надеваю на себя свободную футболку, вытираю волосы полотенцем и выхожу на балкон. Вешаю полотенце на верёвку и смотрю в окно, опираясь руками. По горизонту видно, что солнце скоро покажет свои первые лучи. Беру сигарету и закуриваю её.

Я счастлива. Тишина и спокойствие. Но какая-то ниточка, глубоко в моей душе, дёргается. Чего-то хочется, но я не понимаю чего. Бросаю окурок в пепельницу и возвращаюсь в комнату, мягко падаю на кровать и засыпаю.

Меня будит резкий стук в дверь.

Глава 2

Личное знакомство

Стук повторяется ещё раз. Я злобно вздыхаю и встаю с кровати и медленно подхожу к двери. Смотрю в глазок и открываю её.

Опираюсь плечом об косяк и смотрю на *него*.

— Не помешал? Подумал, что тебе скучно одной дома, и решил зайти в гости, — его голос звучит ровно, словно гипнотизирует.

Он проводит по мне глазами с головы до ног, едва замедляется на краю футболки, и поднимает взгляд обратно. Глаза темнеют.

Футболка довольно свободная и прикрывает половину бедра. Обычно никто так на ней не заикливался. В ушах начинает шуметь, но злость берёт своё.

— Не помешал. И вообще, откуда ты знаешь мою квартиру?

Прислоняется рукой к дверному косяку и слегка наклоняется ко мне:

— Меньше в телефоне писать надо и смотреть по сторонам, — уголки его рта расплываются в улыбке.

Вспоминаю, что когда ехала в лифте, то он был там и видел, к какой двери я иду. Он ещё так спросил, словно знал, чем я тут занимаюсь.

— Значит, подсмотрел, когда я вышла из лифта.

Он выпрямляется:

— Не подсматривал, а наблюдал. Ну так что, составить тебе компанию? Или ты боишься, что я знаю о тебе больше, чем другие?

Что он может знать обо мне? Он же только вчера сюда заехал.

Мне становится тревожно, дыхание сбивается. Что мне делать? Пустить его? Когда я в таком виде. На мне только одна футболка.

Тревога нарастает, и я понимаю, что двери перед ним закрыть не смогу. Не потому, что он сильнее. А потому, что если я закрою — он вернётся. Ночью. Когда я буду спать. Я это почему-то знаю точно.

Остаётся только одно.

— Ладно. Раз так хочешь, заходи, — голос выдаёт меня, подрагивая на некоторых словах.

Он заходит в квартиру и закрывает за собой дверь. В его взгляде мелькает что-то тёмное. Все мои мысли сливаются в огромную тёмную кучу, и я даже не знаю, что сделать, сказать, и не могу пошевелиться. Только смотрю в его глаза и на то, как резко расширяются его зрачки и улыбка становится хищной.

Страх берёт верх, и по телу идёт дрожь. Он делает шаг ко мне и берёт меня за горло, прижимая к стене. Не сильно, но уверенно.

Наклоняется к моему уху:

— Я знаю то, чего не знают твои подруги, знакомые и вообще никто. И если ты расскажешь кому-то, что я тебе здесь говорю, то твой секретик узнают все. Поверь, я знаю тебя намного лучше, чем ты думаешь.

В ушах поднимается лёгкий звон. Цепляюсь ладонями за его руку и пытаюсь ослабить хватку, но безуспешно. Мои ноги подкашиваются. Он лишь сильнее прижимает меня и сверлит тяжёлым взглядом.

— Не пытайся, у тебя ничего не получится. С этого момента ты будешь делать всё, что я скажу. Взамен получишь тишину о своём секрете, — отпускает горло и держит за плечи, так же прижимая к стене.

В моих глазах темнеет, нарастает звон в ушах, лицо бледнеет. Кажется, я вот-вот свалюсь с ног.

Этого только не хватало.

Я слышу только быстрые удары своего сердца, и тёмная пелена заливает глаза. Я отключаюсь, стекая спиной по стене.

Он заставил меня хорошо понервничать. Мозг не выдержал напряжения и решил отключиться в самый неподходящий момент.

Когда я открываю глаза, то нахожусь в кровати. Вспоминаю, что произошло, и резким движением сажусь. Замечаю, что мои руки связаны за спиной, а рот заклеен скотчем. Паника опять начинает нарастать.

Что он со мной делал?

Он заходит в комнату с энергетиком в руках, словно хозяин, делает глоток и смотрит на меня. На его лице растягивается ухмылка.

— Очнулась. Рот закрыл, чтобы не кричала, когда откроешь глаза. А то ещё всех соседей разбудишь, а нам не нужны свидетели, — подходит ближе и скользит по мне глазами. — Я сейчас уберу скотч с твоего рта, но не смей кричать.

Он ставит банку на столик и наклоняется ко мне, цепляясь за край, медленно, без резких движений снимает скотч с моих губ. Я делаю глубокий вдох и пристально смотрю на него.

— Ты ведь помнишь тот самый школьный бал? Когда ты поругалась с родителями и злилась на свою сестрёнку за то, что она раскрыла твою ложь, — наклоняется и повисает над мной. — Как ты злилась на свою младшую сестру, которая шла рядом с тобой, а ты кричала на неё и говорила, что ненавидишь?

С сестрой мы были не особо дружны. Она была младше меня на шесть лет, и родители всегда заставляли брать её с собой — на прогулки или в гости. Она всегда играла с моей косметичкой, мой телефон всегда был заполнен её мультиками. Меня это раздражало. Но я бы не сказала, что ненавидела её. Иногда всё-таки нам было по-настоящему весело вместе. Я хоть порой и злилась на неё, но в том моменте из-за горькой обиды злость была выше, чем сестринская любовь.

В тот вечер школьного бала меня не отпускали роди-

тели, утверждая, что в пятнадцать лет маленькая ещё ходит на такие мероприятия. Я хотела соврать, что просто пойду к Лике. К подруге меня отпустили. Но моя сестра Соня хотела пойти со мной и побежала спрашивать у родителей, можно ли ей пойти со мной на бал, раскрыв им мой обман.

Я была очень зла на неё. Очень.

И тем вечером, когда нас отправили в магазин, идя по тротуару, злость взяла во мне верх, и я оттолкнула её от себя, обвиняя в том, что она портит мне жизнь и что лучше бы она вообще не рождалась.

Когда я её оттолкнула, она, запнувшись, упала спиной на проезжую часть. Её сбила машина на моих глазах.

Лишь через пару секунд я по-настоящему осознала, что натворила. Водитель сразу остановился и выбежал смотреть на нас, параллельно вызывая скорую. Я уже держала её мёртвое тело на своих руках, и мне кажется, мой крик слышал весь район.

Родителям я соврала, что не уследила, что якобы она шла по самому краю тротуара и споткнулась, упав на дорогу, а я не успела её поймать. Мне поверили с трудом, но ведь на глазах у родителей мы всегда были дружны и любимы друг к другу, а за спиной почти каждый раз ругались. У них не было ко мне претензий, все были убиты горем. Я больше всех.

С тех пор я себя ненавижу. И порой мне кажется, что

слышу её детский смех. Эту тему мои друзья стараются не поднимать, ведь при каждом упоминании этого вечера я ловлю сильные панические атаки.

Моё дыхание сбивается окончательно.

Откуда он это знает? Этого не должен знать никто. Даже мои родители всё ещё не знают правды.

Комнату сдавливают нервная тишина. Я слышу лишь тиканье часов, словно отсчёт.

— Откуда ты это знаешь? Откуда? — нервно вскрикиваю.

Он кривит губы — не улыбка, что-то другое — и встаёт напротив меня:

— Я шёл за вами в тот вечер. Сзади. Видел, как ты кричала на неё. Видел, как толкнула. Видел, как она упала. И как машина...

Он замолкает. Я смотрю на него, и в горле встаёт ком.

— Ты видел. И не подошёл.

— Не подошёл.

— Почему?

— Потому что ты бы тогда не соврала. Ты бы призналась. А я не хотел, чтобы тебя посадили. Я хотел, чтобы ты жила с этим. Как я живу со своим.

Он скрещивает руки на груди и молчит. Ждёт, что я скажу. А я не знаю, что сказать.

— Я не сдал тебя. Не рассказал никому. Ни в полицию, ни родителям. Я просто смотрел. Год. Может, больше. Смотрел, как ты врёшь. Как улыбаешься. Как живёшь, будто ничего не

было. И знал, что придёт день, когда ты будешь моей.

На моих глазах выступают слёзы, во мне бушует истерика и боль из-за воспоминаний.

Как он мог это знать? Значит, он следил за мной ещё давно. Но зачем? Смотреть, как я страдаю? Или что похуже?

— Зачем ты шёл за мной? — хрипло срываюсь. — В тот вечер. Зачем?

Он молчит. Смотрит так, словно решает, сказать правду или соврать.

— Потому что ты была красивая. И потому что ты была одна. А я не умею проходить мимо.

— И что теперь? — слёзы текут по щекам, и я не вытираю их. — Ты будешь молчать. А я что? Что я должна делать?

— Всё, что я скажу, — голос ровный, почти ласковый. — Это не так много, как кажется.

Слёзы текут, но внутри что-то цепляется за его слова. Он молчал. Год. Может, больше. Молчал, хотя мог разрушить мою жизнь одним звонком. Но он не просто так тут стоит. Не просто так молчит. Значит, ему что-то от меня нужно. Тревога нарастает.

Пару минут он просто стоит и смотрит на меня, затем хватается за ноги и притягивает к себе. От этого моя футболка задирается чуть выше живота, и я открываюсь перед ним.

Он нависает надо мной, ногами разводит мои бёдра шире. Его дыхание горячее, тяжёлое. Одной рукой он упирается в

кровать у моего лица, а второй проводит по моим волосам. Сердце вот-вот выскочит из груди. Я не знаю, что делать, и не могу сопротивляться. Против него — бесполезно.

— Условия такие: я молчу, а ты делаешь всё, что я скажу. Если не будешь следовать этим правилам, то все узнают, кто ты есть на самом деле, — голос звучит тихо, почти доверительно.

— Ладно, — запинаясь на буквах, ведь мне важно молчание о том вечере. Я его совсем не знаю и боюсь. Я даже не знаю его имени. Вообще ничего. Это разжигает во мне тревогу.

Он смотрит в мои глаза и проводит языком по верхней губе. Я чувствую, как растёт его напряжение, и по телу проходит неприятная дрожь.

— Хорошая девочка. Послушная. Я думал, с тобой будет сложнее договориться, — голос так же спокоен, словно он знал, что я скажу.

Его рука отпускает мои волосы и развязывает мои руки. Верёвка небрежно летит в сторону. Затем ладонью, медленно ведёт вниз по моей ноге, от колена до бедра. Его прикосновение такое горячее, что заставляет меня слегка вздрогнуть.

Он выпрямляется, стоя на коленях, и скользит по мне взглядом. В его зрачках мелькает что-то тёмное. Наклоняется, останавливается у моих губ. Дыхание тяжёлое. Одной рукой он берёт мои запястья и прижимает их к кровати над

моей головой, второй — ведёт от ключиц вниз.

Я не могу пошевелиться и ничего сказать. Пытаюсь сопротивляться, но тело не слушается меня. Не потому что «поддаётся ему» — потому что оно онемело от верёвки и от страха. Я чувствую его пальцы и хочу исчезнуть. Стать маленькой. Стать *ничем*.

Он делает это молча. Быстро. Больно.

Я смотрю в потолок и считаю трещины. Одна. Две. Три. Где-то наверху, на седьмом этаже, снова кто-то ходит. Я думаю о том, что если закричу — соседи услышат. Но я не кричу. Не потому что не могу. Потому что боюсь, что он сделает хуже.

Когда он заканчивает, я чувствую только одно: холод. И тошноту. И где-то глубоко — стыд. Потому что в какой-то момент мне было... нет. Я не буду об этом думать. Никогда.

Он встаёт, накидывает на меня одеяло и говорит всё тем же ровным голосом:

— Оденься нормально, а то только возбуждаешь.

Я поспешно укутываюсь в одеяло и прижимаю колени к груди. Он только что сделал это со мной, даже не спросив и не предупредив. Сердце чуть успокаивается, но всё ещё нервно стучит. Мысли путаются в большую чёрную кучу.

Что дальше он прикажет мне делать? И скажет ли вообще, как его зовут?

Я даже не могу ничего сказать, в горле встал большой ком. Могу только смотреть на него ошарашенными глазами. Он

тоже молчит, лишь смотрит на меня, потерянную. Тишина давит, и мне становится плохо.

Тело бросает то в жар, то в холод. Я опускаю голову на колени и закрываю глаза, пытаюсь дышать ровно, чтобы избежать панической атаки.

Он уходит куда-то и через пару минут возвращается со стаканом воды в руках. Протягивает его мне.

— Выпей, — приказывает.

Поднимаю голову и дрожащими руками беру стакан из его рук, делаю пару маленьких глотков. Чувство тревоги немного отпускает меня, но не пропадает полностью. Дыхание потихоньку выравнивается.

Не поднимаю на него глаз.

— Зачем ты так со мной? — дрожащим голосом.

— Чтобы ты поняла, что теперь моя и будешь слушаться меня. Куда бы ты ни пошла, я буду везде. Я всегда знаю, где ты, учти это. И если попытаешься сбежать, то я не буду с тобой нежен, — его голос становится мягким, но ровным.

Я тяжело вздыхаю и понимаю, что крупно влипла. Но мне нужно, чтобы никто не узнал, что действительно произошло в тот роковой вечер.

Мне снова становится нехорошо и не хватает воздуха. Я встаю с кровати, укутавшись в одеяло, и выхожу на балкон, открываю окно и глубоко вдыхаю.

Вечерний прохладный ветер обдувает меня, и становится чуть легче. Он всё это время стоит позади меня, оперевшись

об угол стены, затем тихо подходит ко мне и протягивает открытую пачку сигарет.

— С ментолом. Как ты любишь, — смотрит на меня, в его взгляде мелькает какая-то нежность, которую он быстро гасит.

— Неприятно осознавать, что меня так хорошо знают, — говорю тихо, почти шёпотом.

Беру сигарету и поджигаю её. Это немного расслабляет меня и утихомиривает мысли. Но лишь немного.

Он не отвечает. Просто закуривает и стоит так, словно мы вообще незнакомцы, просто курящие на чьём-то балконе.

— Говорил же, что хорошо тебя знаю. Зря сомневалась, — тихим голосом.

— Не думала, что прям настолько хорошо. Хотя, смотря на тебя, можно ожидать чего угодно, — мой голос звучит чуть увереннее.

— И что же можно ожидать, глядя на меня? — улыбается одними губами и отходит чуть назад, чтобы я полностью осмотрела его.

— Явно ничего хорошего.

— Сама стонала, а теперь говоришь, что ничего хорошего. Остроумно, — стряхивает пепел в окно и смотрит на меня с холодным интересом.

От его слов мои щёки вспыхивают в румянце. Сам заставил меня, а теперь говорит, что я это сама.

Поддон.

Возможно, мне и было приятно. И это самое страшное. Потому что я не хотела. Я не давала согласия. А тело всё равно отозвалось. И теперь я не знаю, кто я после этого. И ненавижу себя за то, что не могу перестать думать о нём.

— Дурак.

Смеётся:

— Вот и призналась. Не нашла что сказать и решила сдаться. Умная девочка.

— В смысле «призналась»? Ты сам связал меня, пока я была в отключке, а потом сам, без предупреждения и спроса, вошёл. Думаешь, тебе могла сопротивляться та, кто в твоё плечо упирается? — раздражённо.

Бросаю окурок в пепельницу и смотрю в окно, отвлекаясь от мыслей, представляю, что я тут одна.

— Это было лишь предупреждение о том, что я настроен серьёзно и шутить с тобой не собираюсь, — выпрямляется и гасит окурок. Затем подходит ко мне сзади и берёт меня за шею, заставляя выпрямиться, полностью прижимая к себе.

Я делаю вдох, и он замечает это. Затем наклоняется и целует мою шею. Это действие заставляет меня напрячься и слегка вздрогнуть.

— Помни, я всегда рядом. Даже если ты меня не видишь. А теперь мне пора идти. Спасибо за приятное время, — отпускает шею и направляется к выходу.

Выйдя, закрывает за собой дверь. Я медленно падаю на колени и облегчённо выдыхаю. Моё напряжение потихоньку

растворяется.

Наконец-то он ушёл.

Но теперь у меня новый страх. Я теперь всегда буду чувствовать его рядом, хоть и не видя. Его присутствие каждый раз будет ложиться на плечи и усиливать тревогу.

Отползаю назад и упираюсь спиной в стену, поднимая взгляд в небо, где уже ярко светят звёзды. Сажу так неизвестно сколько минут.

Потом встаю. Ноги ещё дрожат. Подхожу к двери, чтобы закрыть на нижний замок, — и замираю.

На полу, прямо у порога, лежит букет. Красные розы, большие, дорогие. Кто-то поставил их у двери, прислонив к косяку. Я оглядываюсь — в подъезде никого. Тихо. Только где-то наверху, на седьмом этаже, снова шаги. Медленные. Спокойные.

Поднимаю букет. Под лентой — записка, сложенная вдвое. Почерк ровный, почти каллиграфический: «Ты всегда куда-то спешишь. А я жду. Лис».

Лис? Кто это? Я не знаю никакого Лиса. Может, ошибка?

Но на записке нет имени, только «Лис». И он говорит, что ждёт. Значит, он давно за мной наблюдает. Или ждёт, когда я его замечу.

Или это этот парень сверху?

Но он только что ушёл. И он бы не стал писать «Лис» — он сказал бы прямо. Или стал бы? Чтобы запутать? Я не знаю.

Я больше ничего не знаю.

Захожу в квартиру, ставлю букет на пуфик и закрываюсь на нижний замок. Руки трясутся. Сначала сосед. Теперь это. Я не понимаю, что происходит.

Набираю Лике.

—

Привет, — говорю тихо.

—

Ты чего не спишь? — её голос сонный, но встревоженный.
— Что случилось?

—

У меня под дверью букет. С запиской. «Ты всегда куда-то спешишь. А я жду. Лис». Ты знаешь, кто это?

—

Нет. Может, ошибся дверью?

—

Может.

—

Ира, ты какая-то странная. Точно всё нормально?

—

Да. Просто устала. Давай завтра встретимся, я расскажу.

—

Хорошо. Спокойной ночи.

—

Спокойной.

Отключаюсь и кладу телефон на тумбочку. Смотрю на бу-

кет. Красные розы. Красивые. Но от них почему-то холодно.

Глава 3

Узнай меня

Я просыпаюсь от вибрации телефона. Незнакомый номер. Сообщение: «Ты хочешь знать меня лучше? Приходи. Гвардейская 44, пятый этаж, кв. 25. Одна».

Смотрю на время — полдень. Я спала почти сутки. Тело тяжёлое, голова гудит. Но сообщение не выходит из головы. Гвардейская — это окраина, туда даже автобусы толком не ездят.

Я не должна ехать. После всего, что было, я не должна. Но что-то внутри тянет. Может, я хочу увидеть, где он живёт. Может, хочу понять, кто он. Может, просто хочу его увидеть.

Собираюсь быстро. Джинсы, кофта, кроссовки. Волосы в хвост. Смотрю на себя в зеркало — бледная, глаза красные.

Красавица.

По дороге телефон вибрирует снова: «Молодец, что решилась. Я жду».

Откуда он знает, что я уже еду?

Я оглядываюсь по сторонам. Никого. Но чувство, что за мной смотрят, не проходит.

Автобус тащится через весь город. За окном дома становятся серыми, люди — меньше. На остановке выхожу и иду по навигатору. Дворы пустые, детская площадка заросла травой, качели ржавые. Словно тут никто не живёт.

Нужный дом — пятиэтажка. Дверь в подъезд открыта. Внутри пахнет сыростью и старым деревом. Ступени в сколах, деревянный пол скрипит.

Поднимаюсь на пятый этаж. Двери — железные, деревянные, сломанные, чем-то изрисованы.

Вот нужная.

Ничем не отличается от остальных.

Рука замирает на ручке. Я делаю вдох и открываю. Дверь скрипит так, что звенит в ушах.

В квартире ни звука. Я прохожу в первую комнату — большая, серые стены, ключья обоев, стол и стул у окна. Больше ничего. Вторая комната — диванчик, две подушки, плед, кресло в углу. Пахнет сигаретами и сыростью, но есть какая-то жизнь.

Остаётся ещё одна комната и кухня. Открываю дверь — и замираю.

Детская. Яркие обои, хорошо сохранившиеся. Полка в углу с мягкими игрушками. Небольшой диванчик, шкафчик. И крючки. Много. Ряд за рядом. Железные, холодные, ввинченные в стену на разной высоте. У потолка, посередине, у пола. На них ничего не висит.

Крючки перед глазами, и меня трясёт.

Для чего они? Зачем так много? Неужели тут кого-то привязывали? Мучали? Били?

Делаю шаг назад и упираюсь во что-то. Точнее, в кого-то. Внутри всё обрывается. Я боюсь повернуть голову.

Чьи-то руки плавно ложатся на мои плечи.

— Рассматриваешь ходишь, да? — знакомый голос, с каким-то холодом.

Я стою как вкопанная. Чувствую, как он запускает руку в мои волосы и сжимает их, заставляя повернуть голову в его сторону.

— На меня смотри, когда говорю с тобой, — грубо и хрипло.

Под давлением его руки поворачиваюсь и ловлю взгляд. Он ухмыляется, но не ослабляет хватку. Я просто стою и не могу проронить ни слова. Внутри всё обрывается. Он будто это замечает. Долго смотрит, затем берёт моё лицо в руки и целует меня в губы. Резко, жадно. Я пытаюсь оттолкнуть его, но он грубо оттягивает мою голову назад.

— Сучка, умеешь сопротивляться, — рычит.

Дыхание сбивается. Мысли собираются в тёмную тучу, перед глазами — крючки. Звон в ушах нарастает, ноги становятся ватными. Я смотрю на него ошарашенно, с недоумением и страхом. Его хватка в моих волосах слегка ослабевает, но не отпускает.

— Ладно ты, расслабься, тут нечего бояться. Мы здесь одни, — произносит он спокойнее, но всё ещё с горечью.

Он берёт мою руку и выводит меня из комнаты, ведёт в другую, жестом показывает садиться на диван и уходит куда-то. Я сажусь на край и опускаю голову в ладони, пытаюсь успокоиться. Немного прихожу в себя и вижу, как он захо-

дит с двумя кружками горячего чая, протягивает мне одну и садится рядом.

— Пей, не бойся, это обычный чай, — замечает, как я рассматриваю кружку.

Делаю маленький глоток. Обычный чёрный чай, крепкий, но с сахаром он угадал.

Откуда такие знания?

Делаю ещё глоток, и внутри разливается тепло.

— Вот и молодец. Послушная девочка. Ты хотела больше знать обо мне — вот, меня Марк зовут.

Марк. Значит, Марк.

— Цветы были от тебя? — мой голос дрожит и звучит очень тихо.

— Какие цветы? Я что, на романтика похож? — наклоняется ко мне и сверлит тёмным взглядом.

— Не знаю, — запинаясь почти на каждой букве.

— Нет. Я не романтик и никогда им не буду. А вот то, что за тобой там какие-то подарки, я узнаю кто это.

— Зачем? — проговариваю это так быстро, словно на разговор даётся ограниченное время.

— Затем. Так надо значит, — откидывается обратно на спинку дивана.

Я сижу на краю, сжимая остывающую кружку. Марк молчит. Смотрит в стену перед собой, и на его скулах играют желваки. Молчание становится густым, как смола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.